

*В.В.Волков,
доктор философии (PhD),
Европейский университет.
С.-Петербург*

Организованное насилие, экономический рынок, консолидация государства

В 1998 г. все более очевидной стала смена парадигмы российских реформ, хотя однозначной формулировки новая парадигма пока еще не получила. Как мне кажется, ее суть можно выразить следующим образом. Для нормального функционирования экономического рынка и обеспечения экономического роста необходимо сильное государство. Еще пять—семь лет назад подобное утверждение звучало бы вызывающе. Тогда государство считалось препятствием на пути к рынку, а гражданское общество, которое должно было усиливаться по мере ослабления государства, — основным условием развития рыночной экономики. Общественному сознанию был навязан миф: достаточно устранить господство тоталитарного государства и приватизировать собственность, как экономический рост случится сам собой. Этого не произошло, причем именно по причине ослабления государства. Обратной стороной слабости государства стал быстрый рост организованной преступности, особенно в части нелегального использования организованного насилия. Далее я постараюсь показать, как связаны организованное насилие и экономический рынок и почему без усиления государства невозможен экономический рост.

В основе любого нововременного государства лежит организованное насилие — основной ресурс, конституирующий тип власти, который традиционно называется политическим. Экономически государство можно представить как производителя специфического типа услуг — охранных услуг, которые группа, контролирующая средства организованного насилия, продает мирным субъектам хозяйственной деятельности. Не купить охранные услуги нельзя, и продажа таких услуг в прошлом носила характер сбора дани¹.

Государства формируются тогда, когда устанавливаются стабильные территориальные монополии силы. Это классическое определение государства, данное М.Вебером, предполагает: во-первых, что насилие закреплено лишь за одной организованной груп-

¹ Подробнее см.: Lane F. Profits from Power: Readings in Protection Rent and Violence-controlling Enterprises. Albany, 1979.

пой, а другие эффективно устранены или нейтрализованы; во-вторых, что насилие, применяемое в рамках такой монополии, является легитимным¹.

Какие преимущества получают субъекты социально-экономических отношений в условиях монопольного контроля за использованием организованного насилия?

Монополизация охраны уменьшает затраты на производство безопасности, поскольку снижает уровень реального насилия и соответствующий уровень ущерба. К тому же централизованная и профессиональная охрана территории эффективнее и дешевле, чем если бы этим занималось много различных более мелких инстанций. Охранная дань приобретает общественную форму регулярного налога, который образует монопольный доход правительства. В ситуации, когда благодаря удешевлению охранных издержек повышается доход правительства, эта дополнительная разница может быть использована либо на личное обогащение военной элиты, либо на инвестиции в экономику.

Монополия насилия создает мирные безопасные пространства, в которых может развиваться мирная экономическая конкуренция, т.е. гражданское общество. При этом растет предсказуемость поведения всех участников и основных параметров социально-экономической деятельности, в том числе уровня охранной дани (налога). В результате формируются институциональные среды экономического рынка — совокупности правил, соблюдение которых обеспечивает своей силой государство.

В определенных условиях государство превращается не просто в институт, обеспечивающий безопасность и правосудие, но и в основную инстанцию, охраняющую права собственности и передачу собственности. В случае, если права собственности четко определены, и при условии, что общая и частная выгода от продуктивного использования собственности совпадают, обеспечивается совокупный экономический рост².

Таким образом, определенное соотношение сил, обеспечивающее монополизацию организованного насилия на определенной территории, способно обеспечить более высокую общую эффективность экономической деятельности, высвобождение инвестиционных ресурсов. При этом охранная дань становится регулярным налогом, а сама охрана превращается из отношений рэкета в предоставление общественного блага, называемого безопасностью, которое в равной мере доступно всем гражданам.

¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия. Избранные произведения. М., 1989. С. 648—650.

² North D.C., Thomas N.P. The Rise of the Western World. Cambridge, 1973.

На протяжении последнего десятилетия российское государство практически утратило монополию легитимного насилия, т.е. функции защиты юридических и экономических субъектов стали в значительной степени выполняться криминальными группами, частными охранными предприятиями или подразделениями государственной службы безопасности и милиции, действующими как частные предприниматели. Последствием этого процесса стала скрытая фрагментация государства — появление конкурирующих и неподконтрольных государству источников насилия и инстанций налогообложения на территории, находящейся под формальной юрисдикцией государства¹.

То, чем занимаются негосударственные инстанции организованного насилия, можно обозначить как "силовое предпринимательство". Силовое предпринимательство можно определить как набор организационных решений и стратегий, позволяющих на постоянной основе конвертировать организованную силу в денежный доход или в иные блага, имеющие рыночную ценность. Если для финансового предпринимательства основным ресурсом являются деньги, для торгового — потребительские товары, для промышленного — факторы производства, для информационного — знания и информация, и так далее, то для ведения силового предпринимательства основным ресурсом выступает социально организованная сила или физическое насилие — как реальное, так и потенциальное². Исторически формирование государств означало то, что организованное насилие было институционально выведена из сферы частного предпринимательства и сформировало институт по обслуживанию общественных, а не частных интересов. В России последнего десятилетия это институциональное различие было нарушено.

Каким образом происходила в течение прошедшего десятилетия скрытая фрагментация государства? Как инстанции организованного насилия (криминальные группы и приватизированные сегменты государственных силовых ведомств) встраиваются в механизмы формирующегося рынка?

Фрагментацию российского государства можно разделить на две фазы, соответствующие двум периодам: 1987—1992 гг. и 1992—1998 гг. Начало первой фазы связано с появлением "Закона о кооперативной деятельности" (1987), а ее окончание совпадает с началом второй фазы, становление которой определено законом о "Частной детективной и охранной деятельности" (1992).

¹ Подробнее см.: Волков В. Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского государства: Исследовательская гипотеза // Полис. 1998. № 5. С. 39—47.

² Подробнее см.: Волков В. Силовое предпринимательство в современной России // Социологические исследования. 1999. № 1.

Поскольку, несмотря на легальность кооперативов, государственные органы охраны правопорядка во многих случаях не рассматривали их как полноправных объектов защиты — во многом благодаря советскому моральному неприятию частного предпринимательства, — альтернативные группы, предоставляющие охранные услуги, быстро нашли свою прибыльную функциональную нишу на растущем частном рынке. Кооператоры и мелкие торговцы стали объектами тех, кто до этого занимался выбиванием картонных долгов или рэкетом-охраной теневого и нелегального бизнеса. Вместе с тем формировались и новые сообщества, начавшие извлекать доход из продажи (поначалу мнимых) охранных услуг мелким предпринимателям.

Еще один фактор, породивший спрос на силовых партнеров, — высокий риск предпринимательства (как физический, так и экономический), вызванный невозвратом долгов, несоблюдением контрактов и многочисленными формами мошенничества. Следствием высокого риска стал низкий уровень доверия¹. Такие условия диктовали необходимость дополнительных издержек на охрану, сбор информации о деловых партнерах, и прежде всего на посредников, которые являлись бы гарантами сделок. Это способствовало формированию специфического рынка охранно-силовых услуг, который до 90-х годов был практически монополизирован так называемыми "организованными преступными (или бандитскими) группировками". На начальном этапе функциями силовых партнеров являлись охрана от других силовых партнеров, контроль контрактных обязательств и возврат долгов. По мере развития предпринимательства усложнялись и функции силового партнерства. Помимо обеспечения безопасности, снижения рисков и решения споров силовые партнеры активно брали на себя функции "решения вопросов" с властями, т.е. пробивание различных лицензий, льгот, а также использование властей (пожарной охраны, милиции, санэпидстанций и т.д.) в конкурентной борьбе для нанесения ущерба другим коммерческим фирмам.

С принятием 11 марта 1992 г. Федерального закона "О частной детективной и охранной деятельности", а 14 августа того же года Постановления правительства РФ "Положения о вневедомственной охране при органах внутренних дел" в конкуренцию на рынке охранно-силовых услуг легально вступили бывшие сотрудники государственных организаций (МВД и ФСБ). Сотрудники этих ведомств, профессионалы в области применения силы, и раньше участвовали в деятельности различных нелегальных силовых струк-

¹ Эмпирическое подтверждение этого тезиса см.: Радаев В. Формирование новых российских рынков: Трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998. С. 116—127.

тур. Именно с их участием в силовом предпринимательстве связано распространение термина "крыша" (бандиты просто "получали" или "контролировали"). Одновременно начали быстро расти службы безопасности крупных банков и компаний, также укомплектованные бывшими руководящими и оперативными работниками МВД и КГБ—ФСБ.

Ко времени принятия новых законов, регулирующих охранную деятельность, уже сформировался рынок охранно-силовых услуг и определилось место силовых партнеров в рыночной экономике. Вместе с тем начало 90-х годов — период интенсивной приватизации и развития крупного предпринимательства, особенно в области финансов и энергоресурсов. Поэтому появление на рынке организованных профессионалов государственного происхождения вполне логично. Во-первых, функциональный кризис государственных силовых структур, в том числе моральное давление на них как на опору "тоталитарного" государства со стороны демократического общественного мнения, способствовало оттоку квалифицированных кадров, а частные охранные структуры решали проблему их нового применения. Во-вторых, оказывал сильное давление и кризис бюджетного финансирования. Политика, направленная на создание частных охранных предприятий и известная как "поиск внебюджетных средств финансирования", стала способом финансовой адаптации бывших государственных структур к новой ситуации. В-третьих, занятие частной охранной деятельностью сначала было частью оперативной работы этих ведомств по контролю криминального бизнеса "изнутри", но потом оперативные интересы удачно совпали с коммерческими, т.е. приватизация части государственных силовых структур была также вызвана стремлением продолжать контролировать экономику, но в более адекватных рыночных формах.

На конец 1997 г. в России существовало 10,2 тыс. частных охранных и детективных структур, в которых работали 140,6 тыс. человек. В Москве и области в более чем 1,5 тыс. частных легальных силовых структурах занято около 30 тыс. человек¹. В С.-Петербурге и Ленинградской области таких структур — 765 и в них занято около 15 тыс. человек². Однако в обоих городах крупными и влиятельными являются лишь несколько десятков охранных предприятий и концернов, объединенных в различные союзы и ассоциации³. Число охранных структур, по-видимому, пропорционально мас-

¹ Оперативное прикрытие. 1997. № 3 (9). С. 36.

² Безопасность личности и бизнеса. Справочник: 98. СПб.: Агентство АТ, 1998. С.4.

³ См.: Крыштановская О. Нелегальные структуры в России // Социологические исследования. 1995. № 8. С. 96—97.

штабам хозяйственной и финансовой деятельности данного города или региона.

Многие охранные предприятия, особенно крупные, фактически являются подведомственными. В С.-Петербурге, например, концерн "Защита" тяготеет к МВД и северо-западному РУОП, охранными предприятиями "Торнадо", "Комкон" и "Северная Пальмира" руководят бывшие офицеры КГБ—ФСК. Соответственно, такие охранные предприятия имеют доступ к информационным, оперативным и техническим ресурсам этих ведомств через неформальные связи с бывшими сослуживцами. Многие руководители частных охранно-силовых структур открыто говорят об активном взаимодействии с органами государственной безопасности, а также о финансовой помощи им.

Подведомственные охранные предприятия в целом предоставляют стандартный комплекс так называемых "крышных" услуг: охрана, обеспечение соблюдения контрактных отношений, разрешение конфликтных ситуаций; сбор информации о партнерах и консультирование по различным организационным проблемам. Например, охранный бизнес "Комкон" в 1992 г. успешно "решало вопрос" возврата кредитов Сбербанку С.-Петербурга и впоследствии стало его постоянным партнером¹. Работа в данном предпринимательском "поле" предполагала как конкуренцию, так и взаимодействие с криминальными силовыми структурами.

Криминальные структуры были первыми, кто в российских условиях "переоткрыл" эту давно забытую форму предпринимательства, а следовательно, они и закладывали основные "правила игры", с которыми приходилось считаться всем последующим участникам. Вместе с тем руководители подведомственных охранных предприятий утверждают, что их работа отличается от бандитской более высоким качеством, предсказуемостью и более конкурентоспособной ценой — плата за возврат долга или кредита (15—40% его суммы) в среднем меньше, чем в криминальных структурах (50%)². Конкурентные преимущества возникают за счет переноса информационно-аналитических методов и других профессиональных навыков работников госбезопасности в частный охранный бизнес. По их утверждению, отличие их методов состоит в ориентации "на устранение проблемы, а не на охрану", т.е. не столько в применении физической силы или физической защите, сколько в превентивном снятии опасностей. Заместитель директора службы безопасности Ассоциации российских банков А.Крылов так охарактеризовал специфику деятельности легальных силовых партнеров: "Для возвра-

¹ Оперативное прикрытие. 1996. № 6. С. 9.

² Эксперт. 1996. № 2. С. 20.

та долга вовсе не нужно прибегать к силовым мерам — достаточно просто продемонстрировать имеющиеся у вас каналы распространения компрометирующей неплательщика информации"¹.

Появление множественных инстанций организованного насилия, обеспечивающих рыночные трансакции и регулирующих экономическую деятельность в целях извлечения дохода, было вполне закономерно. Оно явилось следствием ослабления государства и само способствовало его дальнейшему ослаблению — за счет захвата государственной налоговой базы. Однако влияние ситуации множественности инстанций, предоставляющих охранные, арбитражные и иные услуги, на формирование рынка и экономическое развитие сложно и неоднозначно. Пока эта проблема практически не исследовалась. Можно сделать лишь ряд предположений. Функционирование рынка было бы невозможно без этой институциональной структуры и при отсутствии альтернативы. Можно предположить существование определенной зависимости между функционированием определенного типа силовых предпринимателей и экономическим развитием тех хозяйственных субъектов, с которыми они взаимодействуют. Иными словами, силовые партнеры могут предоставлять конкретным хозяйственным субъектам определенные конкурентные преимущества и тем самым способствовать их развитию. Вместе с тем такая структура едва ли является наиболее эффективной для экономики в целом, поскольку преимущества, как правило, предоставляются за счет чьих-либо убытков, часто убытков государству. К тому же понятно, что диффузия охраны ведет к ее совокупному удорожанию и больше способствует перераспределению средств, чем их расширенному воспроизводству.

¹ Эксперт. 1996. № 2. С. 20.